

ЗОЛОТЫЕ АПЕЛЬСИНЫ

Временами я открываю таинственную дверь, за которой слышен печальный гул детства, и полузросшая тропинка ведёт меня в мир сновидений и несбывшихся мечтаний. Там бродят призраки моих надежд, в тёмном чулане заброшенного дома сиротливо ютятся деревянные лошадки и плюшевые медвежата, в неухоженных парках затянулись паутиной сказочные избушки, покрылись плесенью карусели и причудливые фигуры резных истуканов. Там уже не носится ветер по верхушкам деревьев, и опустевшие сады заросли сорной травой. В тёмных подземельях давно умер последний мышиный король, и куда-то подевались весёлые беззаботные гномы. А некогда величественный океан уменьшился до размера небольшой лужицы, и на нём уныло застыли потемневшие паруса моих кораблей...

И кто-то очень похожий на меня садится там на холодную каменную плиту и, разбирая беспорядочно разбросанные в памяти события, отыскивает первые мои радости и обиды, наивные мечты и первую жгучую боль. Этот мир ему кажется теперь настолько маленьким, что он, не сходя с места, может дотянуться рукой до всех чужестранных земель, волновавших моё воображение, повернуть направление рек, собрать в ладонь далёкие звёзды ночного неба и пересыпать их из руки в руку. А душевные движения, переполнявшие меня то мучительной сладостью, то безысходным отчаяньем, представляются ему ничтожными и смешными перед лицом вечности.

Но в этом опрокинутом мире, несмотря на годы, отдалившие меня от него, живёт в лесной глуши одна не утихающая боль. Каждый раз она встречает меня грустной полуулыбкой, садится рядом и, положив мне голову на грудь, тихо дремлет, успокоенная появлением родной души. Спустя какое-то время, чем-то встревоженная, она начинает едва слышно, стыдясь своих слёз, плакать...

Но вот откуда-то доносится торжественная дробь заячьего барабана, слышатся отдалённые сигналы грузовичков, сирены пожарных машин. Ночное небо вспыхивает зарницами, раздаются выстрелы оловянных солдатиков, и с криками «ура» они идут в наступление. Мир снова набирается красок, зацветают сады, птичий гомон и смешанный запах цветов наполняют мою комнату. На башнях начинается полуденный перезвон старинных часов, а на фрегатах и галерах вздуваются ослепительно-яркие на солнце паруса, и пушки палат в знак отплытия к дальним странам. Впереди интересная и бесконечная жизнь.

И в самом деле, мир казался мне вечным, и тот вопрос у меня появился неизвестно, как и почему. Он возник у меня в тенистом парке между мороженым и тёплым пузыристым лимонадом, и отец как-то странно посмотрел на меня — то ли рано мне интересоваться вопросами вечности, то ли бог знает, кто посеял в голове ребёнка

подобные мысли. Так или иначе, ему пришлось ответить: «Да, сынок, все мы будем жить всегда. Земля? Земля тоже, сынок, она вечна». И тогда я высказал свои опасения, что она может разломаться пополам как в том фильме, показанном накануне. В образовавшуюся огромную трещину падали автомобили, дома, люди и животные. «Папа, а что если ты поедешь на работу, и мы окажемся по разные стороны такой трещины?» — «Я построю мост и переберусь к вам с мамой. И не говори больше глупости».

Мои глупости оказались на удивление пророческими. Мой мир разломался пополам, и я не знаю, кто в том больше повинен — отец или мать. Нет, отец не мог теперь построить мост и перебраться к нам. Трещина, возникшая между ними, была гораздо страшнее и больше, и никакие мосты вселенной не могли уже их соединить.

Он мог видеть меня лишь в условленные дни и часы.

Мы с мамой жили в другой (очень богатой) семье, и каждый его приход за мной почему-то всех нервировал — особенно мою маму. Через неё это передавалось отчиму, его брезгливой матери, не выносившей и минутного присутствия моего отца у ворот. Она называла его нищим, оборванцем, не сумевшим заработать достаточно денег, чтобы содержать достойно семью, а все его учёные работы никому не нужны, раз за них не дают приличных денег. Не очень-то старуха жаловала и своего сына, дерзнувшего привести в священный дом своих родителей жену с чужим ребёнком, когда на свете столько хорошеньких молодых девушек.

Всё это отец знал и нетерпеливо переминался с ноги на ногу, пока меня оденут и выведут к нему.

Мы с отцом легко переступали моря, заснеженные горные вершины, взлетали выше грозовых туч и видели, как живительные струи дождя орошают безбрежные лесные дали. Неожиданно мы оказывались где-то на задворках планеты в освящённых волшебством царствах, встречали там то добродушного воина-великана, то злобного карлика с длинной бородой верхом на громадном петухе. Блуждали по сырým коридорам страшных лабиринтов в поисках сокровищ, а, найдя, едва уносили ноги от беспощадных преследователей.

Мир вокруг меня оживал лишь в рассказах отца, а с другими я погружался в странное сумеречное состояние и в бесприютной тоске ожидал день, когда он вновь явится за мной.

Память не выдаёт мне подробностей того последнего вечера — то ли за многие годы она ослабела, то ли не желает будоражить и без того ноющую боль. Память стыдливо отворачивается, как бы уклончиво пожимает плечами на мои вопросы, мол, дело давнее, столько прошло, всего не упомнишь, да и были мы с тобой тогда в весьма юных летах. И мать с отчимом тут ни при чём, ты их навещаешь, они тебя любят — что ещё человеку надо? И гони от себя эту боль — что уселся с нею в обнимку? — пусть доживает благополучно свой век в лесной глуши, собирая орешки и ягоды на зиму. И не ходи ты больше на эти развалины — что проку в том?

Тяжкий и нудный разговор с памятью понемногу воскрешает дом на улице великого пролетарского писателя, в котором мы тогда жили. Снова высаживаются деревья вдоль тротуара, зажигаются фонари, расставляются даже урны возле скамеек, и в этом навечно погружённом во мрак городе ненадолго загораются луна и звёзды.

Я вижу несмелый силуэт отца, приближающийся к нашим воротам. Вот он, высочий и худой, с вечно спокойным, даже отрешённым взглядом, идёт по вымощенной плитками дорожке к двери и звонит. А там, в чреве громадного дома нахожусь я, подкрутив все свои заводные игрушки, чтобы враз их запустить по комнате назло ненавистной старухе. Но вот я слышу родной голос: «Вы меня простите, понимаю,

что не вовремя, но только я завтра уезжаю, мне надо что-то важное сказать сыну, мы погуляем часок и вернёмся». Мать сердито ему говорит, что поздно уже, ведь виделся со мной только позавчера. А он своим ласковым, певучим голосом: «Да мне нужно очень, ты же понимаешь, у меня, кроме него, в этом мире никого нет». Я высказываю навстречу ему из комнаты, а оттуда несётся за мной разногласица скрежета и визга закрутившихся шестерёнок. Мать хватается за голову: о, боже, я скоро с ума сойду! — и бежит в мою комнату. Мы не ждём её и, сняв с вешалки мои куртку и шапку, тихо выходим.

Нам кажется, что в этом мире нет никого, кроме нас. Мы идём, большие и счастливые, задеваем головой звёзды, загоняем шаловливый осенний ветерок себе в карманы и верим, что теперь ему оттуда не выбраться. В конце тротуара начинаем ступать осторожно, чтобы не нарушать покой маленьких светлых людей, готовящихся ко сну, подошвами своих ботинок запросто крошим горы, моря и океаны нам как бы ни почём, а здесь — ах, чёрт возьми, сынок, что мы с тобой, два гиганта, наделали! — порвали электрические провода и свалили столбы. Берём друг друга за руки и убегаем, а вслед нам летят отравленные стрелы туземцев, огненные струи драконов, леденящий вой проснувшихся чудовищ. И там, на краю вселенной, сворачиваем за некий призрачный угол и оказываемся в чудном поле, куда отец меня прежде не водил. Перед нами проходят дымчатые силуэты вечных странников. «Видишь, сынок: вот Дон Кихот и Санчо Пансо, а это Гамлет, я тебя ещё познакомлю с ним, а вот и Одиссей, ты его узнал, надеюсь, ведь я много о нём тебе рассказывал».

Усталые, мы садимся на камни, отец запускает в карманы руки: «Вот ведь забыл, взял тебе апельсинов и забыл. Их всего четыре, но посмотри, какие они большие. Обрати внимание, сынок: облитые светом луны, они кажутся золотыми, возьми вот, поешь». Я отказываюсь — у нас есть, сейчас не хочу. Он смотрит на меня разочарованно: «Хорошо, я отдам их, когда пойдёшь домой». Он помолчал немного, но всё-таки не стерпел: «Вот и ты уже говоришь «у нас». Как мне больно, сынок, это слышать. Как бы я хотел вернуть всё сначала. У нас могла быть ещё девочка, сестрёнка тебе, если бы она появилась, всё у нас было бы по-другому, но мама не захотела, она её... не захотела». Простая душа, я радостно объявляю ему, что у меня будет сестренка — мама сказала. Он медленно заносит руки над головой, обхватывает её и долго так сидит.

В чёрном поле не видно его лица. Я тоже молчу, глядя на таинственных призраков, выходящих из ночи. Вот идёт старик с опущенной головой, а за ним плетётся шут, оба отчего-то усталые и измученные. За ними следует толпа людей, над головой одного из них, идущего впереди, что-то странно светится. Появляется беззаботный мужичок в чалме верхом на ослике... Отец поворачивается ко мне: «А, всёмотришь, с ними в своей жизни ты много раз ещё встретишься». Он готовится к серьёзному для него разговору со мной: «Понимаешь, я должен завтра уехать, коммерсантом вот заделался. Видишь ли, надо деньги зарабатывать, хотя не моё это дело — торговать, я ничего в этом не смыслю. Уеду, что называется, в заморские страны, гостинцев тебе привезу, каких здесь и не видывали. Я ради тебя всё это делаю. У тебя всё должно быть от меня, я твой отец — понимаешь? Мои деньги будут чистые, они тебя потом согреют. А знаешь, какие деньги у твоего отчима, ах, если бы ты знал, какие это деньги. Но маме нашей это всё равно, ей, понимаешь, всё равно. Ты знаешь, почему мама нервничает каждый раз, когда я прихожу? Я — это её вина перед нашей семьёй, постоянное напоминание о своём грехе. Видишь ли, у взрослых бывают такие провинности... Что я говорю, что это я?! Из ума совсем выжил. Не надо бы мне всё это тебе говорить. Да и не поймёшь ты сейчас ничего. Это я так — сам с собой. Прости. А мама у нас с тобой очень красивая, она должна иметь много денег, ей надо красиво

одеваться, красиво жить. Она очень красивая, не зря этот урод просто свихнулся от неё, не посмотрел даже, что семью разрушает. Но это ничего, сынок, мы с тобой всех победим. Главное, чтобы ты был со мной, и я всё преодолёю, я на всё пойду, у меня, кроме тебя, нет никого».

Мы медленно бредём к дому, не желая расставаться. В эту осеннюю ночь морозно, и отец согревает мои руки в своих горячих ладонях. Стук наших шагов разносится эхом по пустынным улицам. Я прижимаюсь к отцу и не хочу его отпускать. Я ещё не ориентируюсь во времени, не представляю, насколько длительны сроки, которые он будет отсутствовать, и боюсь, что это надолго. Отец молча смотрит куда-то вверх на звёзды, а я жмусь к нему всё плотнее и ощущаю под своей рукой апельсины, тяжело оттягивающие карманы его куртки.

У дома нас ожидали отчим и его водитель. Заметив нас, они вышли из машины. Отчим остался у ворот и как мог ласково позвал меня: «Ступай скорее в дом, мама с ума сходит, а вы спокойно гуляете среди ночи». Он попытался увести меня во двор, но я стал сопротивляться, потому что видел, как водитель, этот неотёсанный громила, подошёл к отцу и отвёл его в сторону. Я не думал, что моему отцу угрожает опасность, просто он никогда не прощался со мной, не сказав каких-нибудь нежных слов. И я ожидал их услышать, тем более что он уезжает. Водитель встал перед отцом в нахальную позу: «Ну что ты изводишь людей, что ты бедную женщину каждый раз доводишь до истерики, дали тебе дни и часы, так посещай соответственно им». Отец выглянул из-за его плеча: «Ребята, дайте мне по-человечески проститься с сыном, потом поговорим, не следует ему всё это выслушивать». И тогда он хотел обойти его и направиться ко мне. Вот он сделал шаг в сторону — этого гиганта не так-то легко обойти, — навстречу мне засияла его улыбка. Он весь уже потянулся ко мне: «Сынок, иди сюда». Но громила выкинул руку вперёд, преграждая ему дорогу: «Приятель, ты не понимаешь, что тебе говорят?» Одним махом он откидывает отца назад (делает, что ему велено), да так сильно — не рассчитал гигант свою мощь, — и отец, задев его ногу, падает. И в этот момент я увидел, как из его карманов выпали апельсины и покатались по тротуару. Я рванул было к нему, но отчим успел схватить меня за шею и, задыхающегося от слёз, потащил в дом...

Словно одинокий призрак, я брожу теперь по опустевшему дому. Посмотрите: заводной паровозик съехал с рельсов и свалился с моста в реку. Автокран врезался в домики, построенные из кубиков, и разрушил их. Обезьянки и бельчата застыли в нелепых позах, исчерпав силу сжатых пружин. На них лежит пыль десятков лет, и стеклянные их глаза, некогда глядевшие на меня, как живые, мертвецки потускнели, а заводные устройства проржавели основательно, больше их уже не завести.

Изредка сюда залетает ветер в поисках живой души, стучит ставнями, листает зачем-то страницы разбросанных на полу книг, но не найдя для себя ничего интересного, спешит удалиться. Иногда в одной из комнат можно услышать плач матери. Я нахожу её и сажусь напротив: «Скажи, мама, что стало с отцом после того, как он уехал?» Она вскидывает на меня обожжённые слезами глаза: «Отстань, отстань от меня, жестокий сын, неужели ты хочешь добить меня?!».

И снова в этом немом царстве я остаюсь наедине со своей болью. Мы долго сидим молча, но затем и она встаёт, также грустно улыбается и неслышно уходит в свою лесную глушь. Она знает, что я никогда уже её не покину.

А что отец? Наутро, как и следовало, они с товарищем загрузили большую машину каким-то ходовым товаром и уехали в другой, далёкий от нас город. Недели через две близ незнакомого городка, в лесополосе была обнаружена их машина — её разграбили и подожгли неизвестные люди. Об отце и его напарнике больше никто ничего не

слышал. Говорят, в те времена подобных происшествий было множество, и гибель двух коммерсантов, незвано прибывших в этот край, лишь скупо отразилась в отчёте местного следственного отделения как не раскрытое преступление.

И по прошествии стольких лет меня не перестаёт обжигать одна мысль, когда я думаю об отце: неужели он, любивший меня больше жизни и видевший своё счастье лишь во мне, убит какими-то случайными бандитами и покоится среди глухого провинциального лесонасаждения в наспех вырытой яме под сугробами снега. И я, единственное родное ему существо, не могу уже ничего изменить, не могу никому отомстить. Перед глазами неизменно встаёт та нелепая сцена его падения: бессильно опавшие руки, его лицо, по-детски исказившееся из-за постыдной оплошности на глазах у сына, разлетевшийся от натяжения замок его куртки и эти четыре апельсина, принесённые мне в дар. И какая-то странная, неисчерпаемая годами жалость к отцу, какой у меня никогда ни к кому уже не было...

Мир, оставшийся мне от отца в наследство, понемногу выцвел и разрушился. Я теперь не знаю, где тот поворот на краю вселенной, за которым находится чудное поле с вечными странниками. Без отца я не могу представить себя гигантом, смело шагающим по миру в поисках приключений. И не помню заветные слова, которыми смог бы оживить пустынные улицы своего детства.

Снялся с рыночной площади и уехал в неведомые страны весёлый балаганчик бродячих артистов. Цыганский табор, собрав свои пожитки, ушёл в ночное небо прямо по звёздам. А мои приятели, оставив свои игрушки в песочницах, разбежались кто куда.

Навечно здесь установилась та осенняя промозглая ночь, какая была в ту последнюю встречу с отцом. Беспокойный странник-ветер метёт по улицам обрывки афиш, обёртки от мороженого, останки флажков и лопнувших парадных шариков. А по ночам слышно, как он скорбно воет в водосточных трубах...

Мир этот опустел, и никто здесь больше не живёт. Но каждый раз, когда я думаю об отце, кто-то очень похожий на меня опускается возле нашего дома на колени и подбирает с земли золотые апельсины, облитые лунным светом...

